

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт лингвистических исследований

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
Institute for Linguistic Studies

АСТА
LINGUISTICA
PETROPOLITANA

ТРУДЫ
ИНСТИТУТА ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Том IX, часть 3

Ответственный редактор Н. Н. Казанский

Санкт-Петербург
Наука
2013

ACTA
LINGUISTICA
PETROPOLITANA

TRANSACTIONS
OF THE INSTITUTE FOR LINGUISTIC STUDIES

Vol. IX, part 3

Edited by N. N. Kazansky

St. Petersburg
Nauka
2013

РУССКИЕ СОЮЗЫ В СОВРЕМЕННОМ НАНАЙСКОМ ЯЗЫКЕ¹

1. Введение

На протяжении последнего столетия нанайцы, проживающие на территории Хабаровского и Приморского краев, находились в постоянном контакте с русскоязычным населением, что не могло не повлиять на современный нанайский язык. На данный момент нанайским языком в разной степени владеет не больше 300 человек, в основном старше 50 лет. Все они также свободно говорят по-русски. Естественно, в их нанайской речи можно легко обнаружить русские заимствования, вкрапления, а также калькирование русских грамматических структур (см., например, [Shagal 2013]).

В данной статье будет рассмотрено употребление в нанайской речи заимствованных русских союзов (ср. пример (1), в котором используется русский союз *и*):

- (1) znb_110821_so_SkazkaZheleznajaPtitsa.056-057²
tojtara = tani əsi = təni təj naonʒokan = tani
тогда=а теперь=а этот мальчик=а
omol-bi ulə omo-la-go-xa nanta...
пояс-Р.REFL.SG хороший пояс-PFV-REP-PST шкура
nanta-ma omol-ba əni-ni ame-ni
шкура-ADJ пояс-OBL мать-Р.3SG отец-Р.3SG

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ 13-04-00416, проект «Языковые изменения в идиомах, не имеющих письменной традиции (на материале алтайских, палеоазиатских и уральских языков)», гранта РГНФ 12-34-01255, проект «Событийность, клаузуальность и финитность: данные разноструктурных языков в лингвистической теории», а также при поддержке Программы ОИФН «Корпусная лингвистика», проект «Корпуса языков Дальнего Востока» (рук. Е. В. Перехвальская).

² Для каждого примера приводится кодовое обозначение текста, по которому его можно найти в корпусе нанайского языка, и номер предложения в тексте.

aŋgo-xa-n' = *goa* *xado* *xado* *moda tuj*
делать-PST-P.3SG=PART сколько сколько раз так
xərəkə-mər' = *da*, **uu** *žele-do*
наматывать-CVB.SIM.PL=PART.EMPH и голова-DAT
alta-ži *nadan* *xaj* *apon* *alta-ži* *aŋgo-xa*
жесть-INS семь что шапка жесть-INS делать-PST
‘Тогда мальчик свой пояс хорошо затянул, его родители
несколько раз намотали сделанный кожа... кожаный пояс.
И на голове из жести семь... этих... шапок, сделанных из
жести’.

Основной исследовательской проблемой являются механизмы встраивания русских союзов в язык, которому, строго говоря, совершенно не свойственно употребление союзов: их функцию выполняют другие единицы и синтаксические конструкции, которые будут подробно рассматриваться в следующем разделе³. Таким образом, можно ожидать, что употребление русского союза в нанайской речи может повлечь за собой и более серьезные структурные изменения, необходимые для встраивания инородного элемента.

Материалом для исследования послужили устные тексты на нанайском языке, собранные в ходе лингвистических экспедиций 2011 и 2012 гг. Объем корпуса составляет 15742 словоупотребления.

Из глоссированных текстов были выбраны все предложения, в которых употребляются русские союзы. При этом не учитывались примеры, в которых русский союз находится внутри русскоязычного фрагмента или на границе с ним:

³ В. А. Аврорин выделяет в нанайском языке такую часть речи, как союз [Аврорин 1961: 244–256]. Однако большинство единиц, которые он предлагает считать союзами, с синтаксической и морфологической точки зрения можно считать не отдельными словоформами, а особыми употреблениями соответствующих знаменательных слов. Союзов, аналогичных по своей структуре и функциям европейским союзам, в нанайском языке практически нет. Вероятно, выделение части речи «союз» в нанайском языке вызвано европейской грамматической традицией.

(2) znb_110821_so_SkazkaZheleznajaPtitsa.051

{*валяются очень много костей*} **и** *хаžo* нээ...

и имущество нээ...

хаžo-sal = tani хэм saar gudə-či-gu-xə

имущество-PL=a все врассыпную врать-IPFV-REP-PST

{*Валяются очень много костей*} ‘и все вещи изорваны в
ключья’.

Так, в примере (2) союз *и* употреблен на стыке переключения кодов.

Разграничение заимствований и случаев переключения/смешения кодов представляет собой отдельную проблему, много раз обсуждавшуюся специалистами по языковым контактам. Среди критериев разграничения заимствований и переключения кодов выделяют фонетическую адаптацию (произнесение заимствованного элемента по фонетическим правилам, свойственным языку-реципиенту), морфологическую адаптацию (употребление заимствованного элемента в соответствии с грамматическими правилами языка-реципиента, в том числе сочетание этого элемента с грамматическими показателями), синтаксическую адаптацию (вкрапление одного слова рассматривается скорее как заимствование, в то время как употребление выражения, сохраняющего внутреннюю синтаксическую структуру, характерную для языка-донора, воспринимается скорее как переключение кодов), место в лексической системе языка-реципиента, функциональную нагрузку (например, зависимость степени заимствования от частеречной принадлежности элемента). Эти параметры подробно обсуждаются в работах [Pfaff 1979: 295–298; Sridhar, Sridhar 1980: 409; Poplack 1993: 256] и др.

Для того чтобы определить, является ли союз заимствованием или он представляет собой случай переключения кодов, годятся далеко не все параметры. По звучанию встречающиеся в корпусе нанайских текстов русские союзы близки нанайской фонетике. Морфологический критерий также не удастся применить, поскольку союзы не изменяются. Основным критерием отбора примеров для нашего исследования послужил синтаксический параметр: принимая во внимание большую степень его условности, было принято решение рассматривать примеры, в которых в нанайскую речь встраивается только один союз либо сочетание

союза с частицей, представляющее собой единое фонетическое слово (типа *или же*), ср. (1). Как уже было отмечено, в том случае, если союз начинал или завершал выражение на русском языке или, тем более, находился внутри него, пример не учитывался, см. (2).

2. Описание заимствованных союзов

Большинство типов союзов связывают клаузы, а сочинительные союзы могут также связывать отдельные группы. В русском языке для связи всех видов синтаксических единиц используются одни и те же сочинительные союзы. В нанайском же сочинение клауз устроено не так, как сочинение именных групп (см. раздел 2.1). Это обстоятельство отражается на стратегии заимствования сочинительных союзов из русского в нанайский. При сочинении глагольных групп и клауз возможно использование заимствованных из русского союзов (*и, а, но, или*). Для связи же именных групп в просмотренном корпусе нанайских текстов русские сочинительные союзы *и, а, но, или*, в отличие от русского, обычно не употребляются. С этой целью используются преимущественно средства нанайского языка. Это может быть простое соположение имен, как в (3). Конъюнкцию ('и') может маркировать показатель инструменталиса на одном или на обоих элементах⁴ (4) или частица =*da*/=*də* (5):

- (3) nmch_110815_ns_MatjJagody.110
uŋčipum-bə xaj-wa gesel-ba buu-xə-č
 бубен-OBL что-OBL колотушка-OBL давать-PST-P.3PL
 'Бубен **и** палочку дали'.

- (4) babfen_skazka_new.020
totara təj əktə-ži təj mərgən-ži tuj
 тогда тот женщина-INS тот мерген-INS так
bałže-xa
 жить-PST
 'Тогда та женщина и тот мерген так (и) жили'.

⁴ Подробнее о сочинении именных групп при помощи показателя инструменталиса в нанайском см. [Оскольская 2008].

- (5) *fna_110820_so_Biografia.009-010*
əm moda əm toi-du = tani əgži
 один раз один берег-DAT=a много
žuar əgži sogdata waa-ri-či = goa Marbo-du
 два много рыба убить-NPST-P.3PL=PART Амур-DAT
kəči = də kurə = də
 сазан=PART.EMPH налим=PART.EMPH
taonžoan = da
 толстолоб=PART.EMPH
 ‘Однажды на этом берегу много, вдвоем много рыбы нало-
 вили на Амур: и сазаны, и налимы, и толстолобы’.

В нашем корпусе встретилось только два примера на употре-
 бление русского союза *и* для связи именных групп, оба от од-
 ного и того же носителя и оба из текстов, в целом избилующих
 синтаксическими кальками с русского:

- (6) *nikchub_osy.038*
buə un-ži-p = tani nuučī žəwə-kən и
 1PL сказать-NPST-1PL=a маленький оса-DIM и
daai žəwən
 большой оса
 ‘А мы говорим «маленькая оса» **и** «большая оса»’.

На употребление союза *или*, связывающего две именные
 группы, найден один пример:

- (7) *sds_110811_ns_primeta o posude.005-006*
pəg-ə-du-ə-ni xaj-kam-ba = da
 дно-DAT-OBL-P.3SG что-DIM-OBL=PART.EMPH
nə-ri-či bi-či или əpət
 класть-NPST-P.3PL быть-3PL или хлеб.OBL
pəse-ka-ni tasema
 кусок-DIM-P.3SG лепешка
 ‘...на дно что-нибудь обычно клали: или кусочек хлеба,
(или) лепешку...’

Причем в примере (7) союз *или* занимает не то положение,
 которое ожидалось бы исходя из конструкции с *или* в русском
 литературном языке. В русском литературном языке союз *или*
 занимает позицию между перечисляемыми элементами (*кусочек*

хлеба *или лепешку*). В том случае, когда этот союз употребляется перед первым элементом, он повторяется также и перед следующим элементом (*или кусочек хлеба, или лепешку*). В нанайском примере (7) союз *или* появляется только перед первым элементом и отсутствует перед вторым. Впрочем, необходимо заметить, что такую структуру можно интерпретировать как простой речевой сбой, равно возможный и в русской устной речи, ср.: *На дно что-нибудь обычно клали: или кусочек хлеба, лепешку...*

Таким образом, далее речь будет идти только о таких примерах (гораздо более частотных), в которых заимствованные союзы связывают клаузы или глагольные группы.

2.1. Сочинительные союзы

Среди всех заимствованных из русского языка союзов сочинительные употребляются наиболее часто. К ним относятся конъюнктивный союз *и*, дизъюнктивный союз *или* и адверсативные союзы *но* и *а*.

Конъюнкция

В нанайском языке, как и в других тунгусо-маньчжурских, конъюнкция клауз осуществляется с помощью соподчинительных конструкций (так называемая «алтайская» стратегия сочинения): предикат линейно последней клаузы выражен финитной формой⁵, а предикаты предыдущих клауз выражены деепричастиями либо причастиями без личных показателей (8). Такие конструкции нельзя назвать подчинительными (несмотря на морфологическую форму предикатов) как по ряду собственно синтаксических критериев, так и потому, что клаузы связаны семантическими отношениями, свойственными скорее сочинительным конструкциям, нежели подчинительным⁶.

⁵ Под финитными (в полном соответствии с их синтаксическим поведением) имеются в виду в том числе формы, трактуемые в описательной традиции как «причастия в предикативном употреблении», см. [Аврорин 1961: 65 и далее].

⁶ О трудностях, возникающих при описании таких конструкций в терминах жесткой бинарной оппозиции сочинения/подчинения, см., например, [Подлеская 1992]. Для наших целей вопрос их синтаксического статуса, однако, не столь принципиален. Важно то, что функционально-семантически они (по крайней мере в части контекстов) являются

- (8) fna_110820_so_Skazka.010
tuj ənə-miə ənə-miə xaj-si
 так идти-CVB.SIM.SG идти-CVB.SIM.SG что-DIR
mərgən = təni goj exon-dola eše-xa-n'
 мерген=а другой село-LOC добираться-PST-P.3SG
 'Так он шел, шел, и дошел мерген до другого села'.

В русском языке основным средством конъюнкции является союз *и*, который связывает синтаксически равноправные финитные клаузы (ср. перевод предложения (8)).

При заимствовании союза *и* в нанайский сохраняется и синтаксическая структура «русского типа»: оба предиката связываемых клауз обычно выражены финитными формами.

- (9a) sds_110811_ns_utoplennik.022
и xusə-səl ənə-xə-č'i taosi u ča-du
 и муж-PL идти-PST-P.3PL туда и этот-DAT
baa-go-xa-č'i təj naj
 находить-REP-PST-P.3PL тот человек
 'И мужчины туда поехали, и там нашли этого человека'.

Так, в примере (9a) второе употребление союза *и* связывает две клаузы, в которых предикаты выражены одинаково — финитной формой прошедшего времени с личным показателем 3 лица множественного числа. Ни одного примера с соподчинительной конструкцией, в котором бы употреблялся заимствованный союз *и*, в наших материалах обнаружено не было:

- (9б) сконструированный пример
xusə-səl ənə-məri taosi (???) u ča-du
 муж-PL идти-CVB.SIM.PL туда и этот-DAT
baa-go-xa-č'i təj naj
 находить-REP-PST-P.3PL тот человек
 'И мужчины туда поехали, и там нашли этого человека'.

ся аналогами, а при заимствовании/переключении кодов, соответственно, конкурентами русских конструкций с сочинительными союзами (см. об оправданности «семантического» подхода к сочинению при сопоставлении разноструктурных языков в [Haspelmath 2007]).

Необходимо обратить также внимание на то, что союз *и* в нанайской речи часто используется не для семантической связи двух клауз, а лишь для продолжения речи, являясь своего рода заполнителем паузы. В этом случае союз *и* оказывается в начале предложения и сопровождается либо нанайскими выражениями *tuj tara* ‘потом’, *tuj tami* ‘затем’ (10) или нанайской частицей *гээ* (11), либо русскими частицами *ну*, *вот* (12), которые практически выполняют ту же функцию — маркируют продолжение речи.

- (10) nmch_110815_ns_MatJagody.194–195
əniə = təni tuj nuči-kə nəkətə-kən = goa,
 мать=а так маленький-DIM низкий-DIM=PART
и tuj ta-ra un-ži-n’ = goa
 и так делать-CVB.NSIM сказать-NPST-P.3SG=PART
əj gugu ələ xože-u
 эй тетя достаточно заканчивать-IMP
 ‘А мама очень маленькая, низенькая. **И потом говорит:**
 «Эй, тетя, хватит, заканчивай»’.
- (11) znb_110821_so_SkazkaZheleznajaPtitsa.018-019
təj ta-ra gəsə sea-xa, и gəə
 тот делать-CVB.NSIM вместе есть-PST и ну
žaja ini = təni əni-ni amə-ni
 следующий день=а мать-P.3SG отец-P.3SG
barge-či-xa-č = goa dujs’
 готовить-IPFV-PST-P.3PL=PART в.лес
too-go-a-ni-a
 идти.от.берега-CVB.PURP-OBL-P.3SG-OBL
 {Того зайца сварили.} ‘Потом вместе съели. **И вот** на следующий день его родители готовили, чтобы сын пошел в лес’.
- (12) nmch_110815_ns_MatJagody.045-046
n’oani turgun-dulə-n’ dao-xam-bi
 3SG причина-LOC-P.3SG перейти-PST-P.1SG
un-ži-n’ ну и tuj ta-ra = tani
 сказать-NPST-P.3SG ну и так делать-CVB.NSIM=а
žok-či too-xa-č om берега
 дом-DIR идти.от.берега-PST-P.3PL
 ‘«Ради нее я приехала», — говорит. **Ну и после этого** пошли к дому от берега’.

Дизъюнкция

Специального средства выражения дизъюнктивных отношений в нанайском языке не существует. В этом случае может использоваться простое соположение финитных клауз:

(13) Avrogin_01

Гээ, буэ čaa-wa gusəgə-xə-pu-wə

ну 1PL этот-OBL рассказывать-PST-P.1PL-OBL

aagda-i, agda-a-si — si mənə murun...

верить-NPST верить-NEG-NPST 2SG REFL ум

‘Ну, верить **или** не верить тому, что мы рассказали по этому поводу, — твоя воля’.

В просмотренном корпусе текстов обнаружено всего два примера с русским союзом *или*. Из них один — на сочинение клауз, обе сочиненные клаузы финитны (в данном случае — как и в исходной нанайской структуре):

(14) lkb_110822_ns_Мухи.032

если bəjum-bə waa-ri или же тара

лось-OBL убить-NPST или же медведь

waa-ri...

убить-NPST

‘Если лося (изюбря) убивали **или** медведя убивали...’

Для выражения дизъюнктивных отношений в нанайском языке может также использоваться вопросительная частица =*nui*⁷:

(15) nikchub_rybalka.006

Вот, toŋga =nui n'uŋgu =nui klasa-d bi-č'i

пять=PART.Q шесть=PART.Q класс-DAT быть-PST

буэ tačeo-čə-xa-pu

1PL учить-IPFV-PST-P.1PL

‘Вот, мы в пятом **или** в шестом классе учились’.

Русский аналог *ли* также иногда встречается в нанайской речи:

⁷ Хороших примеров на сочинение клауз с использованием этого средства в нашем корпусе, тем не менее, не нашлось.

(16) sds_110812_ns_luljka.002

Sagži ama-ja sajna ango-či-i-ni = li

старый отец-Р.1SG наверное делать-IPFV.NPST-Р.3SG=ли

ama ango-či-i-ni = li

отец делать-IPFV.NPST-Р.3SG=ли

‘Наверное, дедушка сделал **или** отец’ (букв. ‘дедушка сделал ли, отец сделал ли’).

Однако употребление частицы *ли* в нанайской речи отличается от употребления этой частицы в русском языке (по крайней мере в его литературном варианте). Так, предложение (16) буквально переводится как ‘Наверное дедушка сделал ли, отец сделал ли’.

Контраст

В русском языке основными адверсативными союзами являются союзы *а* и *но*. В нанайском языке основным средством выражения контраста является частица *=tani/=təni*. По синтаксическим свойствам она более всего напоминает русскую частицу *же*. Однако функционально ее скорее имеет смысл сравнивать с союзом *а*. Эта частица обычно присоединяется к именной группе, находящейся в фокусе контраста (чаще всего эта именная группа занимает начальную позицию в предложении). В отличие и от русского *а*, и от русского *же*, частица *=tani/=təni* может употребляться несколько раз в предложении после разных именных групп:

(17) rab_121000_so_dangany.023-024

əm moda... əm modan = tani əži əži-ni

один раз один раз=*a* муж муж-Р.3SG

ase-ni nuuči piktə-ni balže-xa-či

жена-Р.3SG маленький ребенок-Р.3SG жить-PST-Р.3PL

bi-či-či = əm.

təj = tənɪ nuči

быть-PST-Р.3PL=PART.INDIR тот=*a* маленький

naonžokam = tənɪ ase-ni = tənɪ goj naj-ži

мальчик.OBL=*a* жена-Р.3SG=*a* другой человек-INS

baa-xa-ni, təj piktə

находить-PST-Р.3SG тот ребенок

‘Однажды муж и жена с маленьким ребенком жили, говорят. А этого мальчика (букв. ‘этого же мальчика же’) жена родила от другого человека, того ребенка’.

Как и русский союз *a*, нанайская частица $=tani/=t\grave{a}ni$ может употребляться не столько для противопоставления, сколько для простого продолжения повествования (ср. русское *А потом* в начале предложения; применительно к подобным дискурсивным употреблениям русского *a* говорят, например, о значении «поворота повествования», см. [Урысон 2003]):

(18) rab_121000_so_dangany.036-037

totara =tani goj goj exo-ni-žea-sal Possar-sal
 тогда=a другой другой село-Р.3SG-ABL-PLПассар-PL
ži-či-či хэси-и-чи тэј нај-а
 приходить-РСТ-Р.3PL звать-NPST-Р.3PL тот человек-OBL
waa-go-ari
 убить-CVB.PURP-Р.REFL.PL

‘А потом (из?) разных сел Пассары пришли, зовут того человека, чтобы убить’.

A exo-nka-sal =tani эм долбо туж голо҅kola
 а село-COT-PL=a один ночь так забор
пэ-хэ-чи жоо кэндэли
 класть-РСТ-Р.3PL дом вокруг

‘А жители за одну ночь возложили вокруг дома забор из жердей (сарай?)’.

В этом случае частица $=tani$ часто присоединяется к дискурсивной единице *totara* ‘потом’.

Существуют и другие дискурсивные употребления частицы $=tani/=t\grave{a}ni$, подробное их исчисление требует отдельного исследования.

В нанайский язык из русского заимствуются оба союза: *a* и *но*. Союз *a* занимает позицию между сочиняемыми клаузами, как в русском, и при этом часто сочетается с нанайскими частицами $=tani/=t\grave{a}ni$ (см. пример (18)) и $=da/=d\grave{a}$. Поскольку и союз *и*, и союз *a*, и частица $=tani/=t\grave{a}ni$ могут использоваться для продолжения повествования, в нанайских текстах нередко встречается сочетание не только русского союза *a* и нанайской частицы $=tani/=t\grave{a}ni$, но и сочетание русского союза *и* с частицей $=tani/=t\grave{a}ni$:

(19) lkb_110822_ns_Муху.063

u daan'a = tani tāj enda-wa

и бабушка=а тот собака-OBL

paáčel-i-ni = go, enda tutu-j

ударять-NPST-P.3SG=PART собака бежать-NPST

{Надевали олочи, а внутри наокта (*название травы*). Тепло, легко. Ходить легко...} 'И бабушка моя этих... собак... погоняет (ударяет), собаки бегут'.

С союзом *a* зафиксирован единичный случай использования в нанайской речи русской конструкции *не X, а Y*:

(20) nmch_110815_ns_MatjJagody.044

xaolea piktə-j... хаж-ə

еле ребенок-P.REFL.SG что-OBL

ətkə-i (не piktə-i a

старшая.сестра-P.REFL.SG не ребенок-P.REFL.SG а

ətkə-i) хаж-xam-bi

старшая.сестра-P.REFL.SG делать.так-PST-P.1SG

un-ž'i

сказать-NPST

'«Еле дитя свое... свою сестру (не дочь, а сестру) я это сделала...» — говорит'.

Специального средства, аналогичного по своим функциям союзу *но*, в нанайском языке нет. В тех случаях, когда в русском переводе естественно употребление союза *но*, в нанайском языке используется соподчинительная конструкция без специального лексического маркера противопоставления:

(21) avgorin_10

Sooŋgo-mi, sooŋgo-mi, tāj moo

плакать-CVB.SIM.SG плакать-CVB.SIM.SG тот дерево

oja-wa-ni tutuu-xən, tuj=dəə čeela-xan.

верх-OBL-P.3SG бежать-PST так=PART.EMPH не.мочь-PST

'Плакал, плакал, бегал по дереву, **но** так ничего и не смог сделать'.

При заимствовании русский союз *но* располагается между противопоставленными клаузами, как и в русском языке. В нашем корпусе не встретилось примеров, в которых союз *но*

встраивался бы в соподчиненную структуру, характерную для нанайского языка. Ср. пример (22), в котором обе клаузы финитные (т. е. союз *но* задает синтаксическую структуру «русского типа»):

- (22) *pro_120809_ns_SkazkaLisa.004*
rərgə-gu-jə *но эжэ-э-sim-bi*
 попробовать-REP-NPST.P.1SG *но* запомнить-NEG-NPST-P.1SG
 ‘Попробую, **но** не помню’.

В целом, примеры с русским *но* довольно редки — в корпусе было обнаружено всего три таких примера, один из которых приведен выше.

Сочинительные союзы: обобщение

Данные по употреблению разных типов русских сочинительных союзов в нанайском суммируются в Таблице 1.

Таблица 1. Использование русских сочинительных союзов в нанайском языке

	русский	нанайский	нанайский с заимствованным союзом
конъюнкция	фин.+ <i>и</i> +фин.	дпрч. + фин.	фин.+ <i>и</i> +фин. (<рус.) *дпрч.+ <i>и</i> +фин. (<нан.)
дизъюнкция	фин.+ <i>или</i> +фин.	фин.+фин.	фин. + <i>или</i> + фин. (<рус.=нан.)
контраст ('а')	фин.+ <i>а</i> +фин.	фин.+фин.= <i>tani</i> / <i>=da</i> дпрч.+фин. = <i>tani</i> / <i>=da</i> дпрч.+дпрч. = <i>tani</i> / <i>=da</i>	фин.+ <i>а</i> +фин.(= <i>tani</i> / <i>=da</i>) дпрч.+ <i>а</i> +фин. (= <i>tani</i> / <i>=da</i>) дпрч.+ <i>а</i> +дпрч. (= <i>tani</i> / <i>=da</i>)
контраст ('но')	фин.+ <i>но</i> +фин.	дпрч.+фин.	фин.+ <i>но</i> +фин. (<рус.) *дпрч.+ <i>но</i> +фин. (<нан.)

Для каждого семантического типа сочинительной связи приводится а) исходная синтаксическая структура, используемая в русском (во всех случаях это финитные клаузы, соединенные соответствующим союзом), б) исходная синтаксическая структура, используемая в нанайском (соподчинительная конструкция/соположение финитных клауз/одна из этих конструк-

ций + лексический маркер), в) «производная» нанайская конструкция с использованием русского союза.

Как видно из Таблицы, во всех случаях использования русского сочинительного союза копируется также и исходная русская (а не нанайская) синтаксическая структура: обе сочиненные клаузы финитны, соподчинительная конструкция «алтайского типа», характерная для нанайского, в этих случаях не используется. Нехарактерная ситуация наблюдается только для союза *a*, который может встраиваться в соподчинительную структуру. Но он в этом случае, в отличие от прочих рассмотренных союзов, не всегда является единственным лексическим показателем сочинения, а может дублировать в этой функции нанайскую частицу =*tani*/=*təni* или =*da*/=*də*.

2.2. Подчинительные союзы

Заимствованные подчинительные союзы встречаются в записанных текстах гораздо реже, чем сочинительные. В текстах были обнаружены только временной и условный союзы *когда* и *если*, которые и будут обсуждаться в этом разделе.

Союз *когда*

В русском языке союз *когда* употребляется в первую очередь во временных придаточных. Синтаксическая структура нанайских предложений, содержащих зависимые клаузы со значением времени, сильно отличается от структуры соответствующих русских предложений. В вершине нанайской временной клаузы обычно стоит причастие в форме датива или директива (примеры (23) и (24), соответственно):

- (23) *rab_121000_so_dangany.016-017*
təj = təni ʒaŋg'an = tani ʒaŋg'ari-i-do-a-ni = tani
 тот=а начальник=а болтать-NPST-DAT-OBL-P.3SG=a
uj = də nuči gurun-səl = də
 кто=PART.EMPH маленький люди-PL=PART.EMPH
soŋgo-m ača-a-si
 плакать-CVB.SIM.SG соответствовать-NEG-NPST
 'А когда судья говорит, нельзя даже маленьким детям плакать'.

(24) Avrorin_1986_38.078

n'oanči dəŋgurə-wəri

3PL самострел-P.REFL.PL

čea-xan-če-a-či

muəduu-səl tugžə-səl

ставить.ловушку-PST-DIR-OBL-P.3PL выдра-PL рысь-PL

səpə-səl mənə ži-ži = mət

соболь-PL сам приходит-NPST=словно

ži = də

garpa-o-ri-či

приходить=PART.EMPH стрелять.из.лука-IMPS-NPST-P.3PL

bi-čin

быть-PST

‘Когда ставили они свои самострелы, ловили выдр, рысей, соболей, словно они сами приходили’.

В корпусе нанайских текстов был обнаружен только один пример с заимствованным союзом *когда*. В этом примере русский союз «вклинивается» в нанайскую синтаксическую структуру, при этом сохраняется дативная форма причастия (хотя можно было бы ожидать употребление финитной формы, калькированной из русского):

(25) rab_121000_so_dangany.075-076

təj moo-ka-n' = tani n'oan' когда

тот дерево-DIM-P.3SG=a 3SG когда

žəŋg'ari-do-i

n'oan' = tani

болтать.NPST-DAT-P.REFL.SG 3SG=a

žapa-či-i-n'

ŋaala-du-i

брат-RES-NPST-P.3SG рука-DAT-P.REFL.SG

‘Эту палочку, **когда** он судит, он держит в своих руках’.

Союз если

Условные конструкции в нанайском языке образуются с помощью так называемого «союза» *oseni* — грамматикализованной формы 3 л. ед. ч. наст. вр. глагола *ose-* ‘становиться’ [Авро-рин 1961: 251]. Этот союз занимает конечную позицию в протазисе условного предложения. Глагол протазиса при этом может употребляться в финитной форме, в форме причастия либо в форме деепричастия:

- (26) rab_121000_so_dangany.077
a təj = təni naj-sal = tani... xəmə gur-səl
 а тот=а человек-PL=а все люди-PL
čaxali-i-n'... *čaxali-i-n'*
 соглашаться-NPST-P.3SG соглашаться-NPST-P.3SG
ose-ni, *aja*
 становится.NPST-P.3SG ладно
 ‘А люди, если все люди соглашаются, то хорошо’.

При заимствовании союз *если*, как и в русском языке, занимает начальную позицию в протазисе условного предложения. Остальная часть нанайского предложения чаще всего остается прежней (27), но иногда возможно опущение слова *oseni* (см. пример (14)).

- (27) ssb_110820_ns_Diuli.002
Žulim *если* *nuči-nəj* *buj-kin*
 Дзюлин⁸.OBL если маленький-человек умирать-PST
ose-ni, *nuči-ku* *Žuli-kəm-bə*
 становится.NPST-P.3SG маленький-DIM Дзюлин-DIM-OBL
aŋgo-či
 делать-IPFV.NPST
 ‘**Если** младенец умер, делают маленьких Дзюлинчиков’.

Заимствование других русских союзов в корпусе глоссированных нанайских текстов зафиксировано не было.

3. Употребление заимствованных союзов

Перечисленные в предыдущем разделе заимствованные союзы имеют разную частотность, а их употребление сильно зависит от компетенции носителя и других факторов. Обсуждению этих параметров и будет посвящен данный раздел.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о том, заимствовались ли уже и как употреблялись русские союзы в нанайской речи в середине XX в., когда влияние русского языка было слабее, а преобладающее большинство нанайцев говорило между собой на нанайском языке. В опубликованных материалах

⁸ Дзюлины — нанайские деревянные идолы, охранители дома.

В. А. Аврорина [Аврорин 1986], которые были собраны в 1941 и 1948 гг., примеры заимствования русских союзов отсутствуют. Это может быть связано с тем, что для публикации специально были отобраны тексты, в которых практически не использовались русские заимствования, не говоря уже о случаях смешения кодов⁹. Таким образом, вопрос об употреблении заимствованных русских союзов в нанайской речи середины XX в. требует дополнительного изучения и работы с архивными материалами.

В Таблице 2 приведена абсолютная частота употребления русских союзов в нанайских текстах. Объем корпуса нанайских текстов составляет 15742 словоупотребления. Относительная частота не приводится из-за слишком малого количества примеров.

Таблица 2. Частота употребления заимствованных союзов

союз или тип конструкции	количество
союз <i>и</i>	38
союз <i>а</i>	13
сочетание союза <i>а</i> и частицы <i>=tani</i>	38
сочетание союза <i>а</i> и частицы <i>=da</i>	2
сочетание союза <i>и</i> и частицы <i>=da</i>	1
сочетание союза <i>и</i> и частицы <i>=tani</i>	8
союз <i>или</i>	3
частица <i>ли</i>	3
союз <i>но</i>	3
сочетание союза <i>если</i> и единицы <i>oseni</i>	3
союз <i>если</i>	1
союз <i>когда</i>	1
конструкция <i>не X, а Y</i>	1

⁹ Можно было бы предположить, что русские служебные слова, «случайно» оказавшиеся в текстах, специально были удалены. Однако это предположение кажется маловероятным по отношению к В. А. Аврорину, который с большой тщательностью и точностью записывал все тексты.

Чтобы можно было оценить, какие из этих данных говорят собственно об особенностях употребления русских союзов в нанайском, а какие связаны с тем, что те или иные типы союзов оказываются частотнее прочих просто в силу их семантики, ниже приводятся также сопоставительные данные по относительной частотности соответствующих групп союзов в русском языке.

Таблица 3. Относительная частотность союзов
в нанайском и в русском языках

типы союзов	в корпусе нанайских текстов	% от всех союзов	в русском языке (% от всех союзов) ¹⁰
соединительные (<i>и</i>)	47	41%	38,00%
противительные (<i>а, но</i>)	57	50%	16,18%
разделительные (<i>или, ли</i>)	6	5%	3,78%
условные (<i>если</i>)	4	3%	2,11%
временные (<i>когда</i>)	1	1%	2,94%
всего сочинительных	110	96%	67%
всего подчинительных	5	4%	33,00%
всего русских союзов	115		

Из этих двух Таблиц видно, что заимствованные сочинительные союзы употребляются гораздо чаще заимствованных подчинительных. Это отчасти связано с тем, что контексты, в которых можно было бы употребить сочинительные союзы, встречаются в речи в принципе чаще, чем контексты, в которых возможно употребление подчинительных союзов: в русском процент сочинительных союзов также выше, чем процент подчинитель-

¹⁰ Данные по относительной частотности соответствующих групп союзов (NB: целых групп, включающих в том числе и союзы, не представленные в нанайском) в Национальном корпусе русского языка (www.ruscorpora.ru). Взяты и отчасти адаптированы из [Апресян, Пекеллис 2011].

ных. Однако для нанайских заимствований разница оказывается несопоставимо существеннее (67% и 33% для русского vs. 96% и 4% для нанайского). Эта асимметрия связана с тем, что из всех русских подчинительных союзов в нанайском корпусе обнаружены только временные и условные. Если посмотреть отдельно на процент условных и временных союзов от общего количества союзов, то он оказывается сопоставимым для русского и нанайского (т. е. процент этих союзов в нанайском соответствует ожидаемому).

Для соединительных и разделительных союзов относительная частота в нанайском также не существенно отличается от частоты в русском. Неожиданным образом ведут себя противительные союзы *a* и *no*. В русском они различаются по частотности, но не так сильно, как в нанайском: частота союза *a* — 8189,0 (ранг 10), частота союза *no* — 5381,4 (ранг 16) при частоте союза *и* — 35801,8 (данные приводятся по [Ляшевская, Шаров 2009]). В нанайском же *a* очень частотен, а *no* редок. За счет частотности *a* группа противительных союзов в нанайском получает значительно большую относительную частоту, чем ожидается в соответствии с их семантикой (т. е. чем в русском). Высокая частота союза *a* обусловлена, видимо, активным использованием его в дискурсивной функции продолжения повествования (см. выше), в том числе в конвенционализованном сочетании со словом *totara* 'потом'. Прагматическое объяснение высокой частотности союза *a* будет также предложено в следующем разделе. Дополнительное влияние на частотность союза *a* может также оказывать упомянутый выше структурный фактор: в отличие от прочих сочинительных союзов, он легко встраивается в нанайскую соподчиненную структуру, а не требует «русского» соположения финитных клауз.

Употребление заимствованных союзов также сильно связано с идиолектными особенностями каждого носителя. В Таблице 4 приведена частота употребления заимствованных союзов каждым носителем (абсолютное число и доля относительно объема записанных от носителя текстов), в скобках отмечен диалект, на котором говорит носитель:

Таблица 4. Частота употребления заимствованных союзов
в речи каждого носителя

носитель	сумма по всем текстам	доля ipm
znb (найхинский среднеамурский)	6	6036
ssb (найхинский среднеамурский)	23	9376
sds (горинский нижеамурский)	23	39519
gab (найхинский среднеамурский)	8	13986
pro (найхинский среднеамурский)	2	6645
nmch (Болоньский нижеамурский)	14	9563
nchb (найхинский среднеамурский)	12	5744
lkb (найхинский среднеамурский)	17	21357
lfs (горинский нижеамурский)	2	2937
fna (найхинский среднеамурский)	2	3540
va0 (найхинский среднеамурский)	4	11142
gak (найхинский среднеамурский)	1	3226
abk (джуенский среднеамурский)	1	62500

По данным Таблицы 4 видно, что частота употребления заимствованных союзов оказывается разной у разных носителей. Кроме того, предпочитаемые союзы и конструкции также оказываются разными. В Таблице 5 для двух носителей указана более подробная информация о том, какое количество каких союзов/конструкций было употреблено.

В Таблице 5 хорошо видно, что носитель среднеамурского диалекта *ssb* чаще всего употребляет сочетание союза *a* и частицы *=tani*, а носитель нижеамурского диалекта *sds* чаще употребляет союз *u*. Интересно отметить, что другие носители нижеамурского диалекта среди всех заимствованных союзов также чаще всего употребляют союз *u*, в то время как носители среднеамурского диалекта в целом предпочитают использовать другие союзы (в первую очередь союз *a*). Не совсем понятно, чем можно объяснить такое диалектное различие. Одно из возможных объяснений заключается в сохранности языка: компетенция носителей среднеамурского диалекта, от которых записаны тексты, в целом выше; многие из них до сих пор иногда используют нанай-

ский язык в различных ситуациях (хоть и редко). Носители нижеамурского диалекта, от которых записаны эти тексты, уже ни с кем не разговаривают на нанайском.

Таблица 5. Употребление заимствованных союзов в речи двух носителей

союз или тип конструкции	ssb	sds
союз <i>и</i>	1	14
союз <i>а</i>	4	2
сочетание союза <i>а</i> и частицы = <i>tani</i>	13	0
сочетание союза <i>а</i> и частицы = <i>da</i>	1	0
сочетание союза <i>и</i> и частицы = <i>da</i>	0	1
сочетание союза <i>и</i> и частицы = <i>tani</i>	1	0
союз <i>или</i>	1	1
частица <i>ли</i>	0	3
союз <i>но</i>	0	1
сочетание союза <i>если</i> и единицы <i>oseni</i>	2	1

Можно предположить большее влияние русского языка на их речь, что отражается в частности на относительном количестве русских союзов в их речи (так, у носителя нижеамурского диалекта sds доля русских союзов существенно выше, чем у носителя среднеамурского диалекта ssb — 39519 и 9376 словоупотреблений на миллион соответственно, см. Таблицу 4). Если это предположение верно, то оно влечет за собой возможный вывод о том, что союз *а* заимствовался и адаптировался в нанайской речи раньше, чем союз *и*, что лишь поддерживает иерархию Я. Матраса, которая будет обсуждаться в следующем разделе.

4. Теоретическое обсуждение заимствования союзов

Одно из наиболее значимых исследований заимствования союзов отражено в работах [Matras 1998, 2007, 2009]. Я. Матрас выделяет три основных направления объяснения заимствований: «(1) Интенсивность заимствований связана с интенсивностью языкового контакта, (2) результат языкового контакта определя-

ется структурными сходствами и различиями (конгруэнтностью) между контактирующими языками и (3) предрасположенность той или иной единицы к заимствованию определяется присущими ей семантико-прагматическими или структурными особенностями» [Matras 2007: 34]. Под первое направление подпадают заимствования, связанные с престижностью языков и с их распределением по разным сферам употребления. Заимствования, обусловленные заполнением функциональных «лакун», относятся ко второму направлению. Третье направление Я. Матрас выделяет как раз для объяснения заимствования таких единиц, как союзы. Этот тип объяснения Я. Матрас применяет к выведенным им иерархиям заимствования союзов:

- (28)¹¹ ‘но’ > ‘или’ > ‘и’
уступительные, условные, причинные, целевые союзы >
прочие подчинительные союзы

Смысл этих иерархий заключается в том, что если в языке используется заимствованный союз некоторого типа, то в этом языке заимствованы и те союзы, которые находятся слева по иерархии. Так, если в языке X заимствован союз *или*, то союз *но* наверняка тоже будет заимствованным. Большую или меньшую склонность союзов к заимствованию Я. Матрас объясняет прагматическими функциями соответствующих союзов.

Употребление союзов (как и других дискурсивных маркеров) ориентировано на слушателя и служит, в частности, для того, чтобы нарушить или подкрепить презумпцию, имеющуюся у слушателя к моменту их произнесения говорящим. Язык-донор, по мнению Я. Матраса, является «прагматически доминирующим» [Matras 1998: 285–286], поэтому в том случае, когда говорящий максимально ориентирован на слушающего (например, когда он стремится скорректировать презумпции слушающего), он осознанно или неосознанно переходит с языка-реципиента на язык-донор, чтобы быть гарантированно понятым. За счет этого союзы (и другие дискурсивные маркеры) в целом оказываются сильнее других классов слов вовлечены в ситуацию языкового контакта и, соответственно, легче заимствуются.

¹¹ Иерархии приводятся по [Matras 2007: 54, 56].

Та же логика применяется и при объяснении различий в способности к заимствованию между конкретными союзами. В случае адверсативного союза говорящий пытается обратить внимание слушающего на неверность его презумпции (ср.: *он лег в постель* {ожидание слушающего: 'и заснул'}, *а заснуть не смог*). Это прагматически особенно важная для говорящего задача (если слушающий не поймет говорящего, его презумпция останется ложной), поэтому вероятность переключения на доминирующий язык в этом случае наиболее велика. В случае соединительного союза задача говорящего — показать слушающему, что вводимая информация, наоборот, соответствует его ожиданиям, т. е. презумпция подтверждается, а не опровергается (ср. *он лег в постель* {ожидание слушающего: 'и заснул'}, *и сразу же заснул...*). Поэтому у говорящего меньше необходимость акцентировать на этом внимание слушающего, а значит и вероятность использования союзов «прагматически доминирующего» языка меньше.

В том же ключе объясняется и вторая из приведенных иерархий. Ориентация на слушающего, например, в уступительных высказываниях гораздо больше, чем в некоторых других (например, во временных), поскольку в них так же, как и в случае с адверсативными союзами, опровергается презумпция слушающего: ср. *он лег спать* {ожидание слушающего: 'вечером'}, *хотя было всего три часа дня* и *он лег спать* {ожидание слушающего: 'вечером'}, *когда стемнело*. Поэтому, вводя уступку, говорящий вспоминает о слушающем и, чтобы быть правильно понятым, использует доминирующий язык (в некотором роде «более нормальный язык») для выражения логической связи в такой более трудной для восприятия ситуации. Таким образом, иерархия заимствования союзов объясняется прежде всего прагматическими свойствами самих союзов, а не социолингвистическими или структурными параметрами конкретных языков.

Имеющийся нанайский материал по сочинительным союзам не противоречит иерархии Я. Матраса, однако никак и не подтверждает ее, покрывая всю иерархию целиком: в современном нанайском языке можно обнаружить заимствованные из русского сочинительные союзы всех трех типов — адверсативные союзы *но* и *а* > дизъюнктивный союз *или* > конъюнктивный со-

юз *и*. Что касается подчинительных союзов, то их в имеющемся корпусе обнаружено слишком мало, чтобы делать какие-либо выводы: есть только примеры с союзом *если*, который относится к левой части иерархии, и пример с союзом *когда*, который относится к правой части иерархии, т. е. просто с самыми частотными русскими подчинительными союзами (1998,1 и 1895,7 ipm в Русском национальном корпусе [Ляшевская, Шаров 2009]). Вполне возможно, при большем объеме корпуса нашлись бы примеры и с другими заимствованными подчинительными союзами.

Таким образом, иерархия Матраса дает «неинтересный» результат с точки зрения абсолютной встречаемости союзов, но зато она помогает объяснить их частотное распределение. Относительная частотность союза *и* в нанайском очень высока, но она примерно совпадает с его частотностью в русском, т. е. вероятно, никак не связана с ситуацией языкового контакта. Адверсативные же русские союзы оказываются в нанайском хотя и менее частотны, чем *и*, но зато заметно частотнее, чем это ожидалось бы исходя из их частотности в русском (см. предыдущий раздел). И этот факт очень хорошо соотносится с привелигированным положением адверсативных союзов в иерархии Матраса.

Интересно также, что в иерархии Матраса фигурирует единый класс адверсативных союзов (условно ‘но’), в русском же адверсативных союзов не один, а два: *а* и *но*. И значимое отклонение от ожидаемой частотности дает только один из них — *а*. Можно попробовать соотнести эту асимметрию все с той же идеей исправления ожиданий слушающего говорящим. Одно из различий в семантике союзов *а* и *но*, неоднократно обсуждавшееся русистами, состоит в том, что *а* сопоставляет логически и/или прагматически более связанные ситуации, тогда как *но* — независимые. Это хорошо видно, например, на таких парах примеров, как: *День был дождливый, но Коля не взял зонт* и *День был дождливый, а Коля не взял зонт* (примеры из [Санников 1989: 170–171]). В примере с союзом *а* ситуации рассматриваются как «зависимые» (Коля знал, что погода дождливая, и все-таки не взял зонт), а в примере с союзом *но* — как «независимые» (когда Коля выходил из дома, дождя не было или Коля его не заметил). Таким образом, в случае союза *а* презумпция слушающего нарушается сильнее, чем в случае союза *но* (строгое толкова-

ние подобных употреблений в терминах презумпции/ассерции см. в [Урысон 2003]). К тому же, что, видимо, еще более существенно, у союза *а* есть употребления, вовсе не свойственные союзу *но* («*а* поворота темы», «*а* сопоставления», см. выше) типа *У Маши волосы светлые, а (*но) у ее сестры темные, А (*но) завтра мы идем в кино*. В случае подобных употреблений прагматическая задача говорящего, как кажется, еще сложнее: ему нужно не поменять ожидания слушающего на противоположные, а полностью их отменить и заставить слушающего переключиться с установленной логической линии на совсем новую. Таким образом, более активная адаптация союза *а*, чем союза *но*, кажется вполне естественной.

Кроме того, как было показано в предыдущем разделе, союз *и* употребляется главным образом в том диалекте, который хуже сохранился и, вероятно, подвергся большему влиянию русского языка. Этот факт лишь подкрепляет иерархию Я. Матраса.

Заемствование союзов из русского в нанайский может быть обусловлено не только прагматическими свойствами самих союзов. Так, заимствование союзов *и*, *или*, *но* может быть связано со вторым описанным Я. Матрасом направлением — в нанайском языке отсутствуют грамматические средства, обладающие аналогичными функциями, поэтому русские союзы заполняют имеющиеся в языке «лакуны». Несколько иначе обстоит дело с союзами *а*, *если* и *когда*, которые не заполняют никаких функциональных «лакун», а успешно сочетаются с нанайскими средствами выражения тех же значений. Вероятно, в этих случаях (впрочем, как и во всех остальных) важную роль играет интенсивность контактов с русским языком и престижность языка-донора.

5. Заключение

В современном нанайском языке зафиксировано употребление таких заимствованных русских союзов, как *а*, *но*, *или*, *и*, *если*, *когда*. Схема адаптации у этих союзов разная. Некоторые союзы (*но*, *или*) встраиваются в нанайскую речь с сохранением нанайской синтаксической структуры предложения, заполняя при этом функциональные «лакуны». Употребление союза *и* чаще всего влияет на структуру предложения, навязывая русский синтаксис. Союзы *а*, *если* и *когда* употребляются в нанайских пред-

ложениях, сочетаясь с нанайскими средствами выражения тех же значений. При этом союзы *a* и *u* часто используются в дискурсивной функции продолжения повествования.

Причины заимствования русских союзов могут лежать в разных сферах. Во-первых, они могут быть связаны с интенсивностью контактов с русским языком и его престижностью. Во-вторых, на заимствования может влиять структура языка-реципиента, т. е. нанайского языка, и наличие в ней функциональных «лакун», которые могут быть заполнены элементами из языка-донора (ср. союз *или*). Наконец, заимствование может быть объяснено семантико-прагматическими свойствами, характерными для заимствуемых единиц (в данном случае — союзов), ср. неожиданную, по сравнению с русским, частотность адверсативных союзов в нанайском.

Употребление заимствованных русских союзов распределено по-разному. Во-первых, сочинительные союзы употребляются гораздо чаще подчинительных, что связано с высокой частотностью контекстов, в которых возможно употребление сочинительных союзов. Во-вторых, союз *a* оказывается наиболее частотным в речи носителей среднеамурского диалекта, в то время как в речи носителей нижеамурского диалекта, который находится в худшем состоянии, наиболее частотным оказывается союз *u*.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; ABL — аблатив; ADJ — адъективизатор; COT — котойконим; CVB — деепричастие; DAT — датив; DIM — диминутив; DIR — директив; EMPH — эмфаза; IMP — императив; IMPS — безличное причастие; INS — инструменталис; IPFV — имперфектив; ipm — единиц на миллион словоупотреблений; LOC — локатив; NEG — отрицание; NPST — непрошедшее время; NSIM — одновременное деепричастие; OBL — косвенный падеж; P — притяжательность; PART — частица; PFV — перфектив; PL — множественное число; PST — прошедшее время; PURP — цель; Q — вопросительная частица; REFL — рефлексив; REP — рефактив; RES — результатив; SG — единственное число; SIM — одновременное деепричастие; дпрч. — деепричастие; фин. — финитная форма.

Литература

- Аврорин 1961 — В. А. Аврорин. Грамматика нанайского языка. Т. 2. М. — Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1961.
- Аврорин 1986 — В. А. Аврорин. Материалы по нанайскому языку и фольклору. Л.: Наука, 1986.
- Апресян, Пекелис 2011 — В. Ю. Апресян, О. Е. Пекелис. Союз // Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики Русграм (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. М., 2011.
- Ляшевская, Шаров 2009 — О. Н. Ляшевская, С. А. Шаров. Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). М.: Азбуковник, 2009.
- Оскольская 2008 — С. А. Оскольская. Способы выражения значения совместности в нанайском языке // Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное изучение языков и культур: Сб. науч. трудов кафедры языков народов Сибири ТГПУ. Томск: Ветер, 2008. С. 126–129.
- Подлеская 1992 — В. И. Подлеская. К типологии предикативного сочинения // Вопросы языкознания 2, 1992. С. 90–102.
- Санников 1989 — В. З. Санников. Русские сочинительные конструкции. М.: Наука, 1989.
- Урысон 2003 — Е. В. Урысон. Система значений союза *a* // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды междунар. конф. «Диалог 2003». М.: Наука, 2003.
- Haspelmath 2007 — M. Haspelmath. Coordination // T. Shopen (ed.). Language Typology and Syntactic Description. Vol. 2. Cambridge, 2007. P. 1–51.
- Matras 1998 — Y. Matras. Utterance modifiers and universals of grammatical borrowing // Linguistics 36, 2, 1998. P. 281–331.
- Matras 2007 — Y. Matras. The borrowability of grammatical categories // Y. Matras, J. Sakel (eds.). Grammatical Borrowing in Cross-linguistic Perspective. Berlin: Mouton de Gruyter, 2007. P. 31–74.
- Matras 2009 — Y. Matras. Language Contact: Cambridge Textbooks in Linguistics. Cambridge: Cambridge University Press, 2009.
- Pfaff 1979 — C. W. Pfaff. Constraints on language mixing: Intrasentential code-switching and borrowing in Spanish / English // Language 55, 2, 1979. P. 291–318.
- Poplack 1993 — Sh. Poplack. Variation theory and language contact // D. Preston (ed.). American Dialect Research: An Anthology Celebrating the 100th Anniversary of the American Dialect Society. Amsterdam: Benjamins, 1993. P. 251–286.

- Shagal 2013 — K. Shagal. Nanai argument structure: Russian influence // A. Karjus (ed.). Eesti ja soome-ugri keeleteaduse ajakiri / Journal of Estonian and Finno-Ugric Linguistics. Special issue “Areal linguistics, grammar and contacts” 4, 2, 2013. P. 117–130.
- Sridhar, Sridhar 1980 — S. N. Sridhar, K. K. Sridhar. The syntax and psycholinguistics of bilingual code-mixing // Canadian Journal of Psychology 34, 4, 1980. P. 407–416